

ЗИНАИДА ГИППИУС

НАД КЕМ
СМЕЮТСЯ?

Зинаида Гиппиус
Над кем смеются?

«Public Domain»

1904

Гиппиус З. Н.

Над кем смеются? / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1904

«Что такое сатира? Конечно, прекрасная, благотворительная вещь то, что воспитывает, оздоравливает, освежает, обновляет и т. д. и т. д. Но не надо забывать, что сатира – и опасна. Нужно быть сильным и острым, как Гоголь, чтобы сметь посмеяться над всемирным насмешником – чертом; он ловок; иной сатирик свято убежден, что громит, обличает, воспитывает, смеется, – а между тем давно пляшет по дудке рисуемой им пошлости, незаметно смакует ее и, естественно, его зрители и читатели тоже пляшут и тоже смакуют, и смеются – уже от полноты наслаждения, тупым, чревным смехом...»

© Гиппиус З. Н., 1904

© Public Domain, 1904

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Зинаида Гиппиус Над кем смеются?

I

Что такое сатира?

Конечно, прекрасная, благотворная вещь то, что воспитывает, оздоравливает, освежает, обновляет и т. д. и т. д. Но не надо забывать, что сатира – и опасна. Нужно быть сильным и острым, как Гоголь, чтобы сместь посмеяться над всемирным насмешником – чертом; он ловок; иной сатирик свято убежден, что громит, обличает, воспитывает, смеется, – а между тем давно пляшет по дудке рисуемой им пошлости, незаметно смакует ее и, естественно, его зрители и читатели тоже пляшут и тоже смакуют, и смеются – уже от полноты наслаждения, тупым, чревным смехом.

Особенно ясно это, особенно страшно, когда видишь теперь, в наши дни, старую «сатиру» и наблюдаешь ее действие. Старую, обветшалую, сгнившую; как «сатиру», как «бич» – не имеющую смысла уже не для кого; ее устарелость достаточно показывает нам, что и никогда она не была истинно сатирой, т. е. борьбой с чертом – его же оружием; «пошлость – бессмертна», бессмертен и настоящий смех над истинной пошлостью. Не устарел же Ревизор... да и Санчо Панса молод и свеж. Однако сгнившая псевдосатира до сих пор иногда преподносится толпе, толпа, не мудрствуя, принимает ее и – наслаждается, хохочет, наивно воображая, что смеется над пошлостью «оздоравливающим» смехом. А это – бессмертный смех черта над «сатириком» и над толпой, и только им-то и держатся еще в обращении эти обветшалые «сатирические» произведения.

Такой сатирик, во многих и многих своих вещах, – Островский.

Бранят новые пьесы, бранят древние трагедии, бранят Чехова, хвалят и ругают Горького, скучают на французских фарсах, – нет, вы посмотрите «образцово» поставленную нынешней осенью «образцовую» пьесу Островского «Горячее сердце» – на императорской сцене. За нее взяли лучшие наши актеры, – Варламов, Давыдов, – играют с любовью, не торопясь. Она шла много раз, – и каждый вечер театр был полон. «Отец» Стринберга уже во второе представление не собрал и четверти залы, а на «Горячее сердце» валили, все время хохотали и наслаждались. Городничий в халате идет с базара, на руках у него живой гусь, – в публике восторг. И любопытно, забавно, что гусь живой, – и сатира: городничие ходят по утрам на базары и берут взятки со всех живыми гусями. Что нужды, что теперь уж нет ни городничих, ни подпирющих их воротников, что за стенами театра стоят другие, новые, грозные городничие, иные воротники и базары; публика ничего не видит, что ей за дело; она «оздоравливающе» смеется над взяточничеством гусями. И не только над этим: в пьесе – сатира на пьянство и самодурство. Все действие заключается в пьянстве. И с каким вниманием, с какой любовью разработана эта часть нашими артистами! Иканье, ловля чертиков, целые немые сцены по пяти и десяти минут, когда артист шатается, садится, встает, махает платком, опять икает и т. д. Во всех действиях все, барин-самодур, купец, городничий и множество других повторяют без конца эти немые сцены. Выходит, конечно, однообразно, но публике, размякшей и раскисшей, неизменно нравится. Чтобы не утомлять ее – драматург-сатирик вставил трогательную историю забитой купеческой дочки, сентиментальную до тошноты, как все у него эти истории «женских долюшек», паточно-слезливые, обветшалые до неприличия, антихудожественные до наивности. Г-жа Потоцкая добросовестно надрывалась, покидая родимый дом, надорвавшись – уходила, и опять начиналось беспробудное иканье, ловля чертей, немые сцены, «оздоравливающий» – или, вернее, просто сочувственный, чревный смешок публики; это смешно, и можно смеяться: ведь

сочувствуем-то мы, в сущности, добродетельной, угнетенной девице, которая в рот хмельного не берет и несчастна от своего благородства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.